

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

ФОНД
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

НАУКА
— 1727 —

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарышкин С.Е., доктор экономических наук
(председатель)
Макаров Н.А., академик РАН (зам. председателя)
Петров Ю.А., доктор исторических наук
(зам. председателя)
Артизов А.Н., доктор исторических наук
Бородкин Л.И., член-корреспондент РАН
Васильева О.Ю., академик РАО
Деревянко А.П., академик РАН
Карпов С.П., академик РАН
Крадин Н.Н., академик РАН
Левыкин А.К., кандидат исторических наук
Липкин М.А., член-корреспондент РАН
Магомедов М.М., доктор экономических наук
Могилевский К.И., кандидат исторических наук
Никифоров К.В., доктор исторических наук
Пивовар Е.И., академик РАН
Побережников И.В., член-корреспондент РАН
Полонский В.В., член-корреспондент РАН
Рынков В.М., доктор исторических наук
Сиренов А.В., член-корреспондент РАН
Тишков В.А., академик РАН
Торкунов А.В., академик РАН
Христофоров В.С., член-корреспондент РАН
Чубарьян А.О., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петров Ю.А., доктор исторических наук (отв. редактор)
Горский А.А., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Журавлев С.В., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Захаров В.Н., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Плех О.А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Буддаков В.П., доктор исторических наук
Вовина-Лебедева В.Г., доктор исторических наук
Гайдуков П.Г., член-корреспондент РАН
Голдин В.И., доктор исторических наук
Зверев В.В., доктор исторических наук
Зубкова Е.Ю., доктор исторических наук
Кондрашин В.В., доктор исторических наук
Конявская Е.А., доктор филологических наук
Кудряшов С.В., кандидат исторических наук
Кучкин В.А., доктор исторических наук
Лисейцев Д.В., доктор исторических наук
Мироненко С.В., член-корреспондент РАН
Пихоя Р.Г., доктор исторических наук
Редин Д.А., доктор исторических наук
Рогожин Н.М., доктор исторических наук
Соловьев К.А., доктор исторических наук
Трепавлов В.В., член-корреспондент РАН
Флоря Б.Н., член-корреспондент РАН
Христофоров И.А., доктор исторических наук
Шелухаев В.В., доктор исторических наук
Шестаков В.А., доктор исторических наук
Юрасов А.В., кандидат исторических наук

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 11

КНИГА ПЕРВАЯ

**ИМПЕРИЯ
ВОЙНА
РЕВОЛЮЦИЯ**

1914—1917 годы

**ОТ ВОЙНЫ К КРАХУ
ИМПЕРИИ**

*Ответственный редактор
доктор исторических наук В. П. БУЛДАКОВ*

МОСКВА • НАУКА • 2024

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия тома:

В. П. Булдаков (ответственный редактор), *В. Б. Аксенов* (ответственный секретарь),
С. М. Исхаков, Д. Ю. Козлов, Т. Г. Леонтьева

Рецензенты:

член-корреспондент РАН *Л. И. Бородкин*
доктор исторических наук *Б. И. Колоницкий*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»*

*Выражаем глубокую признательность за поддержку
ПАО «Транснефть» и лично Николаю Петровичу Токареву*

История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. — М.: Наука, 2024—. — ISBN 978-5-02-040487-8.

Т. 11: Империя, война, революция. 1914—1917 годы. **Кн. 1.** От войны к краху империи. — 2024. — 959 с.

ISBN 978-5-02-040460-1

Настоящий том посвящен военно-революционным событиям 1914—1917 гг. в истории России и Европы. Первая его часть охватывает время от начала Первой мировой войны до падения самодержавия. Вторая часть посвящена попыткам утверждения нового строя, обернувшегося победой большевиков и началом Гражданской войны в России. Показана неизбежность развала архаичной империи, не выдержавшей напряжения тотальной войны, выявляются глубинные причины неудач демократии в России. В центре внимания процесс нарастания социальной смуты, связанной с военными неудачами и развалом экономики. Значительное место уделяется показу динамики массовых настроений, обусловившей последовательную смену политических режимов.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-040487-8
ISBN 978-5-02-040460-1 (Том 11, кн. 1)

© Институт российской истории РАН,
2024
© Коллектив авторов, 2024
© Издательство «Наука», редакционно-
издательское оформление, 2024

ВВЕДЕНИЕ

У истоков мирового кризиса: геополитика и массы

Первая мировая война и российская революция длительное время изучались изолированно друг от друга — такова более чем столетняя традиция, связанная со слабостями нашего исторического сознания. Человеческий ум обычно впечатляется событиями, а не историей, формой, а не содержанием, предпочитая заведомо упрощенные представления о прошлом. Мировая война поставила перед европейской общественной мыслью задачу непривычной трудности. Решение осложнялось инерцией ценностных установок. Требовалось либо признать войну случайным отклонением от столбовой дороги прогресса, либо попытаться найти принципиально новое, нравственно приемлемое объяснение закономерности ее возникновения. В пользу первого подхода говорил привычный образ мысли (к тому же потрясенный пережитой катастрофой), ко второму заключению человечество попросту не было готово. Трудно было согласиться, что несколько столетий весь «прогрессивный» мир мыслил «неверно», что его материальные достижения покоились на шатком фундаменте, а его лидеры могли стать заложниками стихийных человеческих страстей. Еще труднее было признать российскую революцию попыткой грубой «коррекции» мировых иллюзий и заблуждений.

Современные исследователи соглашались, что Первая мировая война все еще не

осмыслена европейской цивилизацией. Ей «не повезло» с историографией: победители не были заинтересованы ни в анализе своих ошибок, ни в расследовании истоков войны; побежденные болезненно нуждались в самооправдании, а многие авторы (и не только советские) застряли в тисках пресловутого «классово-формационного» подхода (или его вульгарно-детерминистского подобия). Над всем этим господствовали «благородные» эмоции и политические пристрастия эпохи Просвещения. Со временем на Первую мировую войну пришлось взглянуть сквозь призму событий и итогов Второй — еще более разрушительной — мировой войны. Все это провоцировало желание логично и доступно объяснить пугающие события. Правда, подходящих критериев и нужного инструментария для этого не находилось. Отсюда непреходящее недоумение перед «катастрофой», периодически пронизываемое легковесными «открытиями».

Решение проблемы следовало искать в иной — культурно-антропологической — плоскости, не игнорируя область бессознательного. Между тем европейский интелектуализм все еще тяготеет к тому, чтобы считать наиболее действенным фактором жизни и истории *сознательное* начало. В объяснении причин мировой войны исследователи все еще следуют логике поверхностных причинно-следственных зави-

симостей. Получается, что доминирующие представления о войне (а вслед за тем и о революции) по-прежнему отмечены методологическими слабостями позапрошлого XIX в. При этом сказываются ментальные и этические предпочтения «своего» времени. Историческое событие и его историографические отражения хронологически разделены, однако люди воспринимают их как нечто целостное в доступной им в нынешний день системе координат. Собственно, история XX в. слишком основательно сопряжена с мифами — отсюда все прошлые и нынешние мнемонические заблуждения.

Считается, что определяющим фактором, ведущим к Первой мировой войне, стало *экономическое* и *военно-экономическое* соперничество двух европейских группировок — австро-германского блока, оформленного еще в 1882 г. и затем дважды (в 1902 и 1912 гг.) возобновленного, и франко-британского соглашения, заключенного в 1904 г. и более известного как «сердечное согласие» (*Entente cordiale* — Антанта)¹. Такова хрестоматийная «истина», продиктованная ментальностью XIX в., игнорировавшей изменения в массовой психологии. Особо отмечался маринистский фактор: борьба за колонии (источник ресурсов) требовала контроля над путями сообщения. Но войны всегда обходились дорого, а потому существовала опасность, что даже военный успех обернется опустошением казны, что, в свою очередь, вызовет народное недовольство.

Трудно поверить, что в начале XX в. европейские правители не догадывались об этом. «Не нужно было быть Бисмарком для того, чтобы предотвратить эту глупейшую из всех войн», — отмечал германский предприниматель Альберт Баллин (близкий к кайзеру человек, по иронии судьбы составивший себе капитал, обеспечивая миграционные связи между странами, ставшими непримиримыми врагами)². Что же толкало людей в абсурднейшую по своим всеобщим ближайшим и долговременным последствиям войну?³ Какими доводами они оправдывали себя, какие объяснения придумывали? И могли ли они понять, что сделало европейский мир безрассудным, заставив его совершить «прыжок в темноту»?⁴ Историографическое недоумение сквозит даже в названиях многочисленных научных исследований, где упорно фигурируют такие метафоры, как катастрофа, Апокалипсис, Армагеддон⁵.

А между тем возможные причины назревавшей войны были обговорены еще до ее начала. Так, лидер российских либералов, активный деятель Петербургского отделения Общества мира, позднее известный как воинственный «империалист», — П. Н. Милюков доказывал, что «высоко развитая военная индустрия сама становится пружиной, автоматически действующей в сторону войны», не забывая напомнить давнее высказывание О. Мирабо о том, что «война есть национальная промышленность Пруссии», а в нынешнее время «на

¹ Россия в годы Первой мировой войны: Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 38.

² Это высказывание стало эпиграфом к книге известного журналиста Эмиля Людвига. См.: Людвиг Э. Июль 1914. Рига, 1929.

³ Foerster S. Im Reich des Absurden: Die Ursachen des Ersten Weltkrieges // Die Kriege entstehen: Zum historischen Hintergrund von Staatenkonflikten / Hrsg. B. Wegner. Paderborn, 2000. S. 211—250.

⁴ The Origins of World War I / Eds. R. F. Hamilton, H. Herwig. Cambridge, 2003.

⁵ См.: Lincoln W. B. Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution: 1914—1918. Oxford, 1986; Facing Armageddon: The First World War Experienced / Eds. H. Cecil, P. Liddle. L., 1996; Mommsen W. Die Urkatastrophe Deutschlands: Die Erste Weltkrieg: 1914—1918. Stuttgart, 2002; Stevenson D. Cataclysm: The First World War as Political Tragedy. N. Y., 2004; Hastings M. Catastrophe: Europe Goes to War 1914. L., 2013; Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014; и др.

арену международного состязания явилось новое государство, зараженное военным духом в самой острой форме»⁶. Милюков был прав лишь частично, дело было не в «агрессивности» одних и не в «миролюбии» других стран — изменилось само европейское социокультурное пространство. Это формировало качественно иные предпосылки возникновения войн. Беда идеологов и политиков старого склада состояла в том, что они не замечали перспектив «столкновения культур»⁷, связанного не только с процессами глобализации, но и с внутринациональным расколом⁸.

Хрупкость существующего мира ощущали многие. Еще в XIX в. стали распространяться общества и ассоциации, призывавшие объявить войны вне закона и заменить их альтернативными инструментами в виде межнационального арбитража. Известные богачи, такие как Эндрю Карнеги и Альфред Нобель, жертвовали огромные суммы на развитие международного диалога⁹. Но эти инициативы не могли сдерживать совсем иных — менее заметных, но куда более опасных тенденций. Герберт Уэллс еще в 1903 г. отмечал, что прогресс техники и рост народонаселения приведут не только к интенсивной вертикальной мобильности, но и к появлению «свободных радикалов» внутри среднего класса: «...эта пестрая масса пытается то пристать к иму-

щим, то к самостоятельным людям, то теряет почву под ногами и идет ко дну». Вместе с тем он указывал на «словно на дрожжах выросшие хаотические силы», способные вызвать «крупный переворот, который исковеркает все человеческие построения»¹⁰. Действительно, демографический бум стимулировал урбанизацию, которая, в свою очередь, увеличивала слой лиц наемного труда, которым в условиях индустриального прогресса стало тесно в рамках своего зависимого состояния. Шанс на тотальное преобразование статуса последнего давала именно мировая война.

Социалисты пытались направить общественные настроения в нужное русло, придав им заряд революционной бодрости. В 1911 г. ведущий теоретик II Интернационала К. Каутский в статье, символично названной «Война и мир», предсказывал, что вслед за европейской войной последует международная социальная революция. Даже если революция поначалу ограничится пределами одного государства, «при современных условиях такое положение не может продлиться долго». Она неизбежно перебросится и на другие страны, «возникнут Соединенные Штаты Европы, а затем и Соединенные Штаты всего цивилизованного мира»¹¹. И в наше время возникает желание увидеть в войне не только всеобщую катастрофу, но и катализатор прогресса¹².

⁶ Милюков П. Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. М., 2003. С. 13, 19, 37.

⁷ См.: *Guerres et Cultures: 1914—1918*. P., 1994; *The First World War as a Clash of Cultures* / Ed. F. Bridgham. Rochester (NY), 2006.

⁸ К 90-летию с начала войны, по мнению исследователей, доминировали три концепта, ее характеризующих: «катастрофа, породившая столетие», «европейская гражданская война», «человеческая бойня» (см.: *Нагорная О. С., Нарский И. В.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // *Российская история*. 2014. № 5. С. 14—15). Представляется, что для понимания экзистенциальной сущности войны данных «концептов» (на деле смешения формально-описательных и эмоционально-метафорических дискурсов) недостаточно.

⁹ *Макмиллан М.* Война, которая покончила с миром: Кто и почему развязал Первую мировую. М., 2016. С. 21.

¹⁰ Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии. СПб., 1903. С. 61—62, 104, 109.

¹¹ Цит. по: *Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 303.

¹² *Reinmann A.* Der Erste Weltkrieg — Urkatastrophe Katalisator? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2004. Bd. 29/30. S. 30—38.

Шок от мировой войны настолько основательно врезался в память поколений¹³, что историки готовы следовать за эмоциями столетней давности.

Приближение «роковой» ситуации ощущали по-разному. В сентябре 1912 г. австрийская газета «Нойе Фрайе Пресе» писала: «При существующем положении вещей никем из великих народов не желаемая общеевропейская война, беспримерная по своим размерам <...> чреватая неисчислимыми последствиями, может возникнуть по воле и капризу ничтожной горсти людей, по знаку, поданному из какого-нибудь маленького центра, вроде столицы балканских государств»¹⁴. Весьма пронизательно высказался и Ж. Жорес: «Самая большая опасность в настоящую минуту кроется <...> даже не в *реальных* намерениях государственных канцелярий, как бы преступны ни были эти намерения, и даже не в *реальной* воле народов. Опасность — в растущем возбуждении, в распространяющейся тревоге, в безотчетных поступках, подсказанных страхом, мучительной неуверенностью, длительным смятением. Панике поддается не только толпа, против нее не застрахованы и правительства»¹⁵. Австрийский писатель Карл фон Ланг писал в начале 1914 г.: «Что-то надвигается, но когда оно начнется, предсказать невозможно. Быть может, нас ждут еще несколько мирных лет, однако с такой же вероятностью гром может грянуть уже сегодня»¹⁶.

Обнаружилось, что даже творческие люди на Западе и в России подходили к причинам войны с разных сторон. Австрийский

писатель С. Цвейг видел их в национальном эгоизме: «Каждая страна вдруг пожелала стать могущественной, забывая, что другие хотят того же; каждому хотелось поживиться еще чем-нибудь за чужой счет», рассчитывая, что «в последнюю минуту противник все же струсит»¹⁷. Такой взгляд отражал влияние политики и политиков. Напротив, русский писатель и поэт Ф. Сологуб утверждал: «Мировая катастрофа <...> началась не 19 июля 1914-го года, а гораздо раньше. Война только выявила накопившуюся мировую энергию, только освободила глухо хлокочавшие подземные силы»¹⁸. Известный публицист Г. А. Ландау добавлял: «Месяцами народы Запада воспитываются в атмосфере глубочайшей ненависти», ложные взаимные представления народов становятся их «правдой»¹⁹. В результате правители, страны, народы продолжали жить на грани катастрофы, стараясь не замечать признаков ее приближения и не задумываясь над ее последствиями. «Немцы, французы, англичане и австрийцы, русские и бельгийцы — все подпадали под власть психоза разрушения, предтечами которого были убийства, самоубийства и оргии предшествовавшего года, — писал великий князь Александр Михайлович. — В августе 1914 года это массовое помешательство достигло кульминационной точки»²⁰.

Полагают, что накануне войны наиболее реалистично указал на грозящую опасность от столкновения с Германией лидер группы правых Государственного совета П. Н. Дурново, человек умный и независимый. В представленной в феврале 1914 г.

¹³ Winter J. M. Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven, 2006.

¹⁴ Цит. по: Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. На дальних рубежах: Россия и Сербия в годы Первой мировой войны: 1914—1917. М., 2018. С. 161.

¹⁵ Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., 1961. С. 235.

¹⁶ Цит. по: Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. М., 2020. С. 33.

¹⁷ Цвейг С. Вчерашний мир: Воспоминания европейца. М., 2004. С. 160.

¹⁸ Клейнборг Л. М. Встречи: Федор Сологуб // Русская литература. 2003. № 2. С. 119.

¹⁹ Ландау Г. А. Сумерки Европы. М., 2022. С. 23.

²⁰ [Романов А. М.] Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2017. С. 246.

императору специальной «Записке»²¹ этот германофил предупреждал, что война выгодна только Англии, которая всегда решала свои задачи чужими руками. А поскольку основная тяжесть европейской борьбы ляжет на Россию, возникнет ситуация, известная по Русско-японской войне: активизируется оппозиция, провоцирующая революционную стихию. В результате «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»²². Нечто подобное писал П. А. Столыпин в июле 1911 г.: война будет губительна для России и династии²³. Бывший премьер С. Ю. Витте считал, что «нынешняя война — это единоборство Великобритании и Германии за мировую гегемонию <...> остальным державам суждено сыграть роли статистов в этой схватке»²⁴. По некоторым данным, в 1912—1913 гг. руководство полиции и жандармерии пришло к заключению: революция в виде массового вооруженного восстания неизбежна и состоится в ближайшие годы; она может произойти при активном участии и поддержке войск — не только нижних чинов, но и офицерского состава, по типу революций в Турции (1909) и Португалии (1910)²⁵. Однако для известного экономиста и предпринимателя П. П. Мигулина растущая экономическая мощь была гарантией от всех бед: он не допускал даже возможности экономического кризиса, а алармистские заявления Витте считал «смехотворными»²⁶.

Между тем перспективы «большой» войны для России определялись не абстрактными «темпами роста» ее экономики

Член Государственного совета, статс-секретарь
П. Н. Дурново. Петроград. 1915 г.

в целом, а ограниченностью ее внутреннего развития с одной стороны, характером ее взаимосвязи с мировым хозяйственным целым — с другой. В этом смысле дисбаланс между сырьевым и индустриальным сектором экономики, между соотношени-

²¹ Некоторые исследователи сомневаются в подлинности этого документа. См.: *Олейников Д. И.* Пророчество: Вперед или назад? // Василий Федорович Антонов: Памяти учителя. М., 2015. С. 215—231.

²² *Дурново П. Н.* Записка // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 187—188, 196.

²³ *Столыпин П. А.* Переписка. М., 2004. С. 425.

²⁴ *Барк П. Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи: 1914—1917. Т. 1. М., 2017. С. 274—275.

²⁵ *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Противостояние: Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи: 1913—1917 гг. М., 2020. С. 557—558. Как видно, российские охранители руководствовались «прецедентным мышлением», совершенно не понимая природы российской революционности.

²⁶ *Новый экономист.* 1914. 17 мая.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С БОЛЬШОЙ ВОЙНОЙ

Слагаемые взрыва

Современные исследователи обычно не замечают, что Первая мировая война возникла в особых, ранее невиданных политико-социальных и культурно-ментальных обстоятельствах. Время ускорилося, люди уверовали в необратимость прогрессивных изменений и роста общественного богатства. Начало войны не случайно оказалось связано с непомерными вожделениями и надеждами, причем не только в европейских верхах. И на то были свои причины, которые смогли разглядеть немногие.

Войну предстояло вести не профессионалам и наемникам, а вчерашним мирным гражданам — прежде всего крестьянам. Европейский конфликт стал «войной народов» и «войной машин» одновременно. Люди традиционной культуры ощутили себя заложниками новейших достижений науки и техники. Предусмотреть последствия такой ситуации правители не могли.

В эпоху глобальных перемен политические элиты, не говоря уже о народных низах, продолжали мыслить прежними — привычными, псевдоустойчивыми и якобы универсальными — абстракциями и понятиями, а тем временем информационная революция обостряла и без того болезненное взаимодействие традиций и культур. Европейский мир вступил в новый век в условиях невиданного демографического «перегрева». Это обернулось впечатляющим

омоложением населения и вместе с тем маскулиным «перекосом» социумов, особенно в городе. Последовал заметный подъем агрессивности низов¹. Однако векторы ее в разных странах заметно расходились. В Германии, проникнутой духом победы над Францией, рост общественного богатства опережал рост народонаселения. Доверие масс к государству росло, к социал-демократии, становящейся все менее радикальной, — падало. В России после 1905 г. пришлось выбирать между традиционным самодержавием и призраком народовластия. Это был непростой выбор.

Возникла ситуация, когда ожидания и запросы простых людей все больше опережали уровень достигнутого достатка. В результате промышленно-технологического прогресса и роста общественного благосостояния былые социальные страхи оказались заслонены иллюзией всемогущества человека и спасительности его совместных действий с другими людьми. Средства массовой информации (пресса, телеграф, телефон, кинематограф) привели к разрыву реального и умоглядного в сознании людей — их образ мысли сделался авантюристичным, иммунитет против разрушительных идей ослаб. Человек словно взялся заигрывать со своими страхами и иллюзиями. Мир уплотнился, массы стали более внушаемыми; техника в умах прос-

¹ См.: *Heinsohn G. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich, 2003.*

тых людей приобрела магическое качество (отсюда вера в «чудо-оружие»). Этому способствовала и невиданная социализация науки: ученые словно намеренно вышли из своих таинственных лабораторий, чтобы донести до профанов не подлежащие сомнению «истины». В Германии в действиях масс появился «совершенно неприемлемый элемент истерии и нигилизма», они «начали реагировать на чисто эмоциональном уровне» и при этом «питали множество полусознанных иллюзий»². Эта тенденция стала заметной и в России. Отмечалась еще одна характерная тенденция: повсюду, особенно в Германии, усилился милитаризованный стиль воспитания подростков³.

Европейские элиты оставались, однако, во власти старых — квазифеодальных — геополитических шаблонов. Это подталкивало к решениям и действиям, проверенным опытом прежних веков. «Никогда еще не ощущалось столь разительного противоречия между ожиданиями, внушенными теорией прогресса, и реальной историей», — отмечают исследователи⁴. При этом призраки грядущего «прогресса» девальвировали ценность «маленькой» человеческой жизни.

Сама демографическая ситуация незримо подталкивала Европу к войне. Из всех воюющих стран (без колоний) Российская империя (без Финляндии) обладала наивысшей численностью населения — от 165,7 до 175,1 млн человек⁵. В Германии проживало 65,1 млн, в Австро-Венгрии — 51,3 млн, тогда как в Великобритании — 45,4 млн, во

Франции — 39,4 млн человек⁶. Поскольку число людей, населяющих Россию, намного превосходило совокупную численность жителей как своих потенциальных союзников, так и противников, первые могли с нескрываемой надеждой, а вторые с затаенным страхом задумываться о последствиях движения «русского парового катка» в западном направлении. Сознание людей отставало от реалий. «Предсказатели грядущего русского величия игнорируют тот факт, что значение численности армий сильно умалится <...> через прогресс механики», — еще в 1903 г. отмечал Г. Уэллс⁷.

Помимо демографического фактора сказывался и предвоенный военно-промышленный бум, который оценивался по совокупным валовым показателям. Но были ли они гарантией роста военного могущества России? В мае 1914 г. министр торговли и промышленности С. И. Тимашев отмечал, что промышленность не может ответить на беспрецедентно выросшие заказы по программе военного судостроения, перевооружения армии, постройки стратегических железных дорог⁸. Между тем в Европейской России на 100 кв. км имелось лишь 1,1 км железнодорожного пути — в 13 раз меньше, чем в Германии. Отставание по насыщенности шоссейными дорогами было еще больше⁹. Было очевидно, что российским войскам будет «удобнее» воевать на чужой территории.

Возможно, российская транспортная сеть могла удовлетворить потребности фронта в случае кратковременной войны.

² Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии: 1890—1933. М., 2008. С. 534.

³ Kramer A. Dynamics of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. P. 160—161.

⁴ Панарин А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 76.

⁵ Демографы, опираясь на статистику отдельных ведомств, до сих пор не могут договориться, какова была точная цифра. См.: Иванова Н. А. Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны: Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 190.

⁶ Там же. С. 191.

⁷ Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии. С. 130.

⁸ Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика: 1914—1917. С. 14.

⁹ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. М.; Л., 1928. С. 35.

Но затяжная война меняла ситуацию. При этом правительство не удосужилось включить производство локомотивов, вагонов и рельсов в число оборонных приоритетов¹⁰. Со временем многие придавали этому упущению роковое значение.

Военные приготовления Российской империи не только вдохновляли, но и нервировали. Из-за значительной, сравнительно с Западом, хозяйственной слабости (прежде всего в силу низкого уровня производительности труда в сельском хозяйстве) и культурной отсталости населения удельный вес мобилизованных на войну в России составил лишь 9,4 %, тогда как во Франции — 20, в Германии — 19,5, в Австрии — 18,6, в Сербии — 16,5 %¹¹. Трудно было обеспечить необходимый баланс не только между живой силой и вооружениями, но и между целями войны и возможностями их реализации.

Так называемая эпоха империализма внесла в стратегическое мышление характерные коррективы. Утратили свое значение прежние династические связи, расширились возможности выбора союзников. Усилился соблазн решать геостратегические проблемы путем столкновения между собой потенциальных противников. В обсуждение вопросов войны и мира включалась общественность. Стратегическое планирование испытывало сбой в силу субъективных предпочтений и общественных настроений. Европейский мир сделался взаимосвязанным, сытым и беспечным, что порождало желание «поиграть в войну». Это возбуждало политиков, становившихся все менее уравновешенными и все более лукавыми.

Так, перед самым началом военных действий кайзер предлагал Англии оставаться нейтральной в обмен на то, что Германия ударит только по России и не будет нападать на Францию. Трудно сказать, что за этим стояло: то ли обычная дипломатическая игра, то ли склонность кайзера к беспочвенным импровизациям, то ли привычка скрывать свои реальные намерения. Похоже, он улавливал, что внутри Антанты не все гладко. Конечно, в Лондоне с гневом отвергли это предложение. Вместе с тем англичане готовы были подождать, если Германия двинет всю свою мощь против России. В связи с этим появились фантазии: «До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить мировую катастрофу, если бы заявило о намерении вступить в войну на стороне России...»¹² В конечном счете колебания и Лондона и Берлина разрешились сами собой: кайзеру объяснили, что перенос удара с Франции на Россию приведет в расстройство уже запущенный военный механизм¹³.

В свое время Эрих Фромм, ровесник XX в., задавался вопросом: «Как это возможно, чтобы разразилась война, когда все утверждали, что не хотят ее?» Его заключение казалось парадоксальным: всеобщая забота о мире не была истинной¹⁴. Европейцы устали от показного миролюбия. Отвыкли они и от революций: в большинстве стран (за исключением Испании, Франции, Германии) их не было с 1848 г. К тому времени в Европе складывалась единая финансовая система, базирующаяся на золотом стандарте и главной резервной валюте — английском фунте. Возникла иллюзия внутренней стабильности, основанная на

¹⁰ Хейвуд Э. Дж. «Самый катастрофический вопрос»: Железнодорожное строительство и военная стратегия в поздней имперской России // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009.

¹¹ Иванова Н. А. Демографические и социальные процессы. С. 195.

¹² [Романов А. М.] Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 248.

¹³ Козенко Б. Д. Июльский кризис 1914 года в международных отношениях. Самара, 2003. С. 35.

¹⁴ Фромм Э. По ту сторону порабощающих иллюзий: Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом: Дзен-буддизм и психоанализ. М., 2010. С. 11, 13.

неуклонном хозяйственном прогрессе. Конечно, это не отменяло экономического соперничества. И англичане, и французы не допускали экспорта более дешевых и качественных германских товаров в свои колонии. Это больно ударило по психике немецких производителей, однако не настолько, чтобы стать *причиной* мировой войны.

С 1881 по 1905 г. в Европе ни разу не менялись границы между государствами. Фактически действовал безвизовый режим. Считалось, что теперь войны возможны только в колониях, потому мыслимый конфликт должен был ограничиться морскими сражениями. Конечно, французы после поражения 1870 г. задумывались о реванше, но для этого был нужен союзник. В свою очередь для России после поражения от Японии вставал вопрос о «возвращении в Европу».

Несколько десятилетий почти бесконфликтного развития Европы сопровождалась нарастанием смутного ожидания и нетерпения как в элитах, так и в массах. Экономисты убеждали, что военные столкновения минимизировались из-за межгосударственных финансово-экономических связей, а тем временем политики заключали явные и тайные союзы против «врагов» — в значительной степени мнимых. Если в прошлые века сознание элит опережало социальную реальность, то теперь даже лучшие умы оказались не в состоянии предугадать последствия происходящих в мире изменений. В толще мироощущения народов нарастал эмоциональный накал, связанный с ожиданиями то ли победоносной войны, то ли «справедливой» революции, то ли того и другого вместе. Утвердилось представление, что достигнутый «прогресс» был лишь преддверием «настоящей» жизни. Гумани-

стический этос не выдерживал испытания нарастающей «механизацией» социальных отношений: исказилось само соотношение между жизнью и смертью. В Германии заговорили об «омоложении», «очистительной ванне», «выведении шлаков из организма» применительно к обществу в целом; в России вошли в моду художественные произведения, воспевающие смерть, насилие, разрушение. Механизмы нарастания социального насилия изнутри пока не исследованы¹⁵.

Уловить ситуацию смены эпох и открываемые ей перспективы вряд ли было в полной мере возможно. «Старая феодальная и все еще по преимуществу аграрная Европа была величественна и космополитична <...> — отмечал философ Г. Кесслер. — Но эта Европа <...> старела и слабела, умирала. И одновременно с этим нарождалось нечто новое, молодое и полное энергии. <...> У одних это вызывало глухую боль, а у других — сильнейшую радость»¹⁶. Противоречивые эмоции блокировали аналитические способности. А поскольку прогрессистское воображение ориентируется на линейно-восходящее развитие, любые откаты в архаику списываются либо на случай, либо на «реакционные» силы¹⁷. Отсюда обилие конспирологических домыслов.

Несомненно, все великие державы побаивались непредсказуемых последствий войны. Но еще бóльшие опасения вызывала перспектива одностороннего усиления потенциальных противников. Более всего пугала Германия, активно добивавшаяся не только господства на континенте, но и усиления своей военно-морской мощи. Именно фактор тотального страха оказался брошен на весы геополитического равновесия, хотя со времен Тита Ливия было

¹⁵ Так, К. Лоренц ограничивается предположением, что импульсы агрессивности таятся внутри человеческих сообществ, при этом человек, в отличие от хищника, лишен инстинктивного торможения внутривидовой агрессии. См.: Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. С. 56—57.

¹⁶ Цит. по: Макмиллан М. Война, которая покончила с миром. С. 271.

¹⁷ Панарин А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. С. 77.

известно: чем меньше страх, тем меньше опасность.

Нельзя сказать, что на дипломатическом уровне не предпринимались попытки к поддержанию «империалистического мира». С 1913 г. наиболее активными в этом отношении стали США. В. Вильсон, считавший, что голые факты не имеют значения, а важны лишь «человеческие мотивы и мнения»¹⁸, безуспешно пытался разобраться в происходящем в Европе. Госсекретарь У. Брайан с пылом баптистского проповедника предлагал установить систему независимого надгосударственного арбитража в межгосударственных спорах¹⁹ — Америке было выгодно прийти в Европу с оливковой ветвью. Попытки «передела мира» мирными средствами предпринял неофициальный представитель американского президента полковник Э. Хауз. Но и его усилия по налаживанию переговорного процесса между европейскими странами (ради совместной «цивилизаторской» миссии в отсталых регионах мира) не принесли успеха. На континенте руководствовались иной логикой. Наиболее предвзято отнесся к заокеанским предложениям германский кайзер. В мае 1914 г. Хауз сообщал президенту Вильсону из Германии: «Положение исключительное. Это милитаризм, дошедший до безумия». Основную вину он возлагал на Францию и Германию: «Тут слишком много ненависти, слишком много подозрительности». При этом отмечалось, что соглашение между Германией и Великобританией по вопросу

о морских вооружениях стало бы невыгодным для самих Соединенных Штатов. Напротив, союз между США, Великобританией и Германией желателен для сдерживания России²⁰.

Планы американской стороны выглядели как претензии на «мирную гегемонию» — в роли независимого арбитра²¹. Уже после начала войны, 30 сентября 1914 г. (н. ст.), Белый дом предпринял демонстративную попытку уговорить Берлин поставить подпись на договоре о международном арбитраже, который уже подписали Великобритания, Франция, Испания и готовились подписать Россия, Швеция и Греция. Кайзер не ответил²². Обычные дипломатические игры оказывались бесплодными.

Николай II (возможно, с согласия В. А. Сухомлинова²³) пытался «образумить» Франца Иосифа демонстративными действиями. На следующий день после австрийского ультиматума Сербии²⁴ начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич вызвал к себе начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) генерала С. К. Добrorольского и заявил о предстоящей мобилизации четырех округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского — против Австро-Венгрии. Столь неожиданное предложение могло исходить только от верховной власти — мобилизационный план такого не предусматривал, исходя из уверенности, что Германия выступит на

¹⁸ Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: Двадцать восьмой президент США. М., 2017. С. 17.

¹⁹ Шаццло В. К. США и Германия накануне Первой мировой войны // Актуальные проблемы истории Первой мировой войны. М., 2014. С. 38.

²⁰ [Хауз Э. М.] Архив полковника Хауза. Т. 1. М., 1937. С. 58, 60, 62—63.

²¹ Козенко Б. Д. Посредничество без кавычек: Миротворчество США 1914—1916 гг. // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 74.

²² Шаццло В. К. США и Германия накануне Первой мировой войны. С. 46—47.

²³ Turner L. C. F. The Russian Mobilization in 1914 // The War Plans of the Great Powers: 1880—1914 / Ed. P. M. Kennedy. L., 1979. P. 260—261.

²⁴ Ультиматум включал в себя продуманный ряд пунктов, большинство из которых соответствовало юридическим нормам того времени, однако последний, настаивавший на участии в расследовании деятельности террористов на территории Сербии, не мог не быть отвергнут независимым государством.

ПОБЕДЫ, ПОРАЖЕНИЯ, МОБИЛИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ

Ход и итоги упорных боев

Победы не нуждаются в объяснении своих причин, поэтому люди ищут их героические следы даже там, где их не могло быть. «Война машин» заставляла забыть о славе былых сражений. Однако люди по-прежнему нуждались в рассказах о героях и их подвигах. И они появлялись, хотя по мере продолжения боевых действий «героями» двигало скорее отчаянное ожесточение, нежели готовность к самопожертвованию во имя высоких целей.

К исходу 1914 г. армии российского Северо-Западного фронта удерживали позиции от реки Пилицы по восточным берегам рек Равки и Бзуры до впадения последней в Вислу. Им противостояла 9-я армия А. фон Макензена. Ситуация была патовая: ни одной из сторон не удавалось сбить противника с занимаемых позиций. На линии от крепостей Осовец, Остроленка и Ломжа вдоль государственной границы до берега Балтийского моря ни русская 10-я армия, ни германская 8-я армия также не могли достичь успеха. Небольшие, по российским понятиям, речки стали символизировать упорство и высокий боевой дух противников.

От Пилицы до впадения реки Ниды в Вислу располагались 4-я и 9-я армии Юго-Западного фронта, против которых оборонялись германская армия Р. фон Войрша и две австро-венгерские армии. Южнее Вислы фронт разделял русские и австро-венгерские войска. Кроме того, части русской

11-й армии блокировали крепость Перемышль. Попытки австро-венгерских войск отбросить русских к Ивангороду и Львову не приносили успеха.

Возникновение подобной ситуации было predetermined стратегическими обычаями прошлых войн. Очевидно, что тактика оборонительного боя ранее не разрабатывалась ни в одной из армий. Войскам полагалось наступать, переход к обороне рассматривался лишь как средство измотать врага и собрать силы для новых атак. Соответственно, зная о наступательных намерениях противника, русское командование могло лишь требовать от своих командиров «удерживать занимаемые позиции во что бы то ни стало». При этом создание укрепленных полос большой глубины не практиковалось. Отсюда громадные потери при «топтании на месте».

На Кавказском фронте ситуация была более благоприятной для российской стороны. Ликвидация угрозы османского вторжения дала возможность провести реорганизацию войск для развития последующих операций. Вновь сформированный штаб командующего армией теперь не сдерживал инициативу нового командующего — Н. Н. Юденича, который мог действовать без оглядки на кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова и его аппарат в Тифлисе.

Однако подавляющее превосходство русских войск было использовано далеко

Расчет русского станкового пулемета Максим. 1914—1915 гг.

не полностью. Наступательным действиям помешали затянувшиеся холода (до мая 1915 г. перевалы были занесены снегом), а также действия османских отрядов и повстанцев в Батумской области и боязнь распространения тифа. В равной мере сказывалась завышенная оценка противника, были опасения перехода Персии на сторону Центральных держав. К тому же в феврале началась десантная операция союзников в

Дарданеллах, соответственно вставал вопрос о перспективах действий российских войск на Босфоре¹. Так, к апрелю в Севастополь были перевезены соединения 5-го Кавказского армейского корпуса и 20-я пехотная дивизия².

На Западе положение было сложнее. Командующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов и начальник штаба М. В. Алексеев 31 декабря 1914 г. (13 января 1915 г.)

¹ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне: 1915. С. 158.

² РГВИА. Ф. 2350. Оп. 1. Д. 174. Л. 21.

направили в Ставку доклад, в котором вновь доказывали, что сил для наступления нет, а противник, по агентурным данным, активизируется. Поскольку войска в Восточной Пруссии были втянуты «в безнадежную борьбу», главный удар удобнее всего было нанести с левого берега Вислы³ — именно здесь германские войска были перемешаны с более слабыми австро-венгерскими, а успешные действия могли бы вывести русские войска к Силезскому угольному бассейну. Кроме того, на этом участке сохранялся ощутимый перевес сил: у русских было 173 563 пехотинца, 29 062 шашки и 896 орудий⁴ (у противника — 151 048 пехотинцев, 13 862 кавалериста, 809 орудий)⁵.

Генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов 3 (16) января 1915 г. в докладе начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу представил положение армии как «достаточно прочное»⁶. По его мнению, переход к масштабным операциям был возможен только к апрелю, когда будет преодолен дефицит артиллерийских боеприпасов и винтовок и прибудет обученное пополнение (досрочный призыв 1915 г.), способное покрыть существующий некомплект в полмиллиона солдат. Со стороны австро-венгерских войск активности не ожидалось, считалось, что у них начинается «разложение». Рассчитывали и на то, что германские войска будут скованы французским наступлением. Берлинскому направлению Данилов отдавал предпочтение перед наступлением на Вену и Будапешт, но считал, что прежде, уже в феврале, необходимо «категорически» решить вопрос с Восточной Пруссией. Наиболее перспективным направлением он

считал движение в направлении к Зольдау и Ортельсбургу⁷.

Одновременно начальник штаба Северо-Западного фронта В. А. Орановский предложил Н. В. Рузскому провести операцию, способную повлечь за собой перегруппировку германских войск, т. е. в том числе их неизбежное ослабление. Для этого предстояло двинуться в пределы Восточной Пруссии на Ортельсбург, Вилленберг, Найденбург и Зольдау и далее на север. На подготовку операции Орановский отводил одиннадцать дней⁸.

В Ставку в Седлец 4 (17) января прибыли Н. В. Рузский, В. А. Орановский и генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта М. Д. Бонч-Бруевич. Первый выступил с предложением удара на Млаву, Зольдау, Ортельсбург, мотивируя это тем, что к наступлению на действительно выгодном направлении (на Опочно и Петровк) его армии будут готовы не скоро, а предлагаемый удар можно провести без передислокации, используя наличные силы и резервы Ставки. Что же касается противника, то он считал, что немцы продолжат наступать на Варшаву. На следующий день, 5 января, Верховный главнокомандующий утвердил предложение Рузского⁹.

Действительно, если попытки перехватить инициативу на Бзуре, Равке и Пилице русским войскам не удавались, то на млавском направлении обе стороны с поразительной легкостью как захватывали позиции друг друга, так и отдавали их — успех зависел от своевременности подкреплений. Мощный удар на север должен был разрезать вражескую группировку. Практически это было возвращением к плану августа

³ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 3. М.; Пг., 1923. С. 42.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 364. Л. 267—270, 345—348.

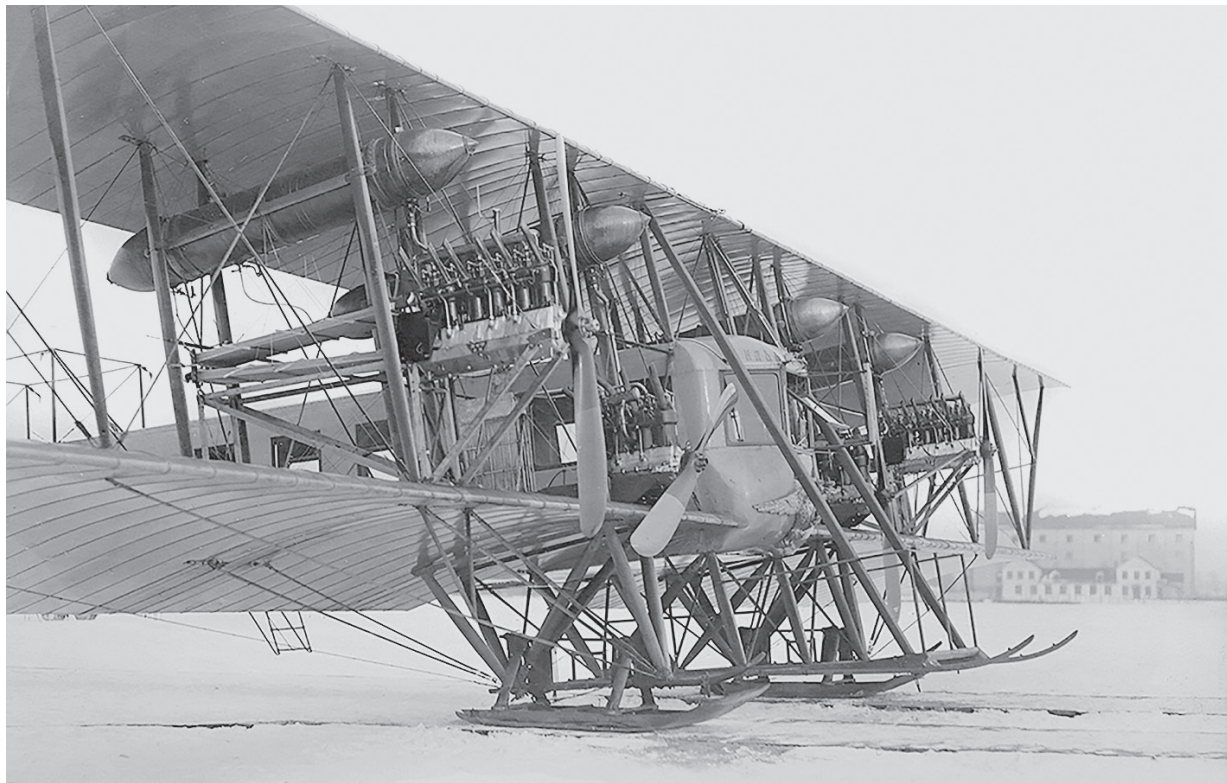
⁵ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918. Bd. 2. Wien, 1931. S. 114—116.

⁶ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 3. С. 34—35.

⁷ Там же. С. 36, 38—40.

⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 98—99.

⁹ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 3. С. 42—45.

Русский самолет-бомбардировщик «Илья Муромец». Яблонна. Зима 1914/15 г.

1914 г., однако теперь инициатива передавалась южной группировке войск.

Между тем к 18 (31) января германское командование сосредоточило на участке прорыва 6 дивизий (до 40 000 бойцов) и 92 батареи с 596 орудиями, из них 150 тяжелых (включая две австрийские 30,5-см мортиры). Было заготовлено 18 000 снарядов, снаряженных слезоточивым газом и хлором¹⁰. В результате упорных наступательных боев к концу января русские войска потеряли 7911 убитыми (из них 83 офицера), 12 248 пропавшими без вести (45 офицеров), 20 614 ранеными (337 офицеров)¹¹. Противник потерял убитыми 57 офицеров и 2584 солдата, пропавшими без вести 4 офицера и 1308 солдат, ранеными 79 офицеров

и 6811 солдат. Командование германского Восточного фронта посчитало задачу выполненной — силы русских перед решающим наступлением были скованы. Прибывший 25 января (7 февраля) на фронт Вильгельм II поздравлял войска с победой и раздавал награды¹². Но разочарование военачальников также было велико. «Атаки 9-й армии восточнее Равки принесли прекрасный тактический успех, но прорыв не был, однако, достигнут. Впервые примененные химические снаряды не привели к ожидаемому эффекту. Пленные русские жаловались на слезотечение, головную боль, но не были выведены из строя», — констатировал генерал-лейтенант К. фон Морген¹³.

¹⁰ Постников Н. Д. Убитые на Равке. М., 2016. С. 80, 191.

¹¹ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 20. Л. 52—57, 75—76.

¹² Kriegsgeschichte des Reserve-Infanterie-Regiment 225 (Kriegstagebuch). Goerlitz, 1928. S. 55.

¹³ Morgen C. von. Meiner Truppen Heldenkaempfe. S. 48.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
У истоков мирового кризиса: геополитика и массы (<i>В. П. Булдаков</i>)	5
Причины и коллизии войны: опыт осмысления (<i>В. П. Булдаков, Д. Ю. Козлов, С. Г. Нелипович</i>) .	18
Глава 1	
Лицом к лицу с Большой войной	41
Слагаемые взрыва (<i>В. П. Булдаков, Д. Ю. Козлов, С. Г. Нелипович</i>)	41
Смута в европейских умах (<i>В. П. Булдаков</i>)	57
Россия, геополитика, армия (<i>В. П. Булдаков, Д. Ю. Козлов, С. Г. Нелипович</i>)	77
Природа «тылового» патриотизма (<i>В. П. Булдаков</i>)	98
Бои в Восточной Пруссии и на Балтике (<i>С. Г. Нелипович, Д. Ю. Козлов</i>)	128
Сражения в Галиции и Польше (<i>С. Г. Нелипович</i>)	154
Победы в Закавказье, ситуация на Черном море (<i>Д. Ю. Козлов, С. Г. Нелипович</i>)	178
Глава 2	
Война и люди	192
Империя и ее подданные: от столицы до окраин, от православных до иноверцев (<i>С. М. Исхаков, Т. Г. Леонтьева</i>)	192
Патриотизм, идеологии, конфессии (<i>В. П. Булдаков, С. М. Исхаков, Т. Г. Леонтьева</i>)	212
Война и политики: шовинисты и империалисты, оборонцы и пораженцы (<i>В. П. Булдаков</i>)	233
Пропаганда и шпиономания (<i>В. Б. Аксенов, В. П. Булдаков</i>)	253
Военно-депортационная политика властей (<i>С. Г. Нелипович</i>)	277
Каритативные инициативы власти и общества (<i>Т. Г. Леонтьева</i>)	292
Тяготы городской жизни (<i>В. П. Булдаков</i>)	316
Тревожные явления в деревне (<i>В. П. Булдаков</i>)	335
Обыденность войны (<i>В. П. Булдаков</i>)	347
Глава 3	
Победы, поражения, мобилизация ресурсов	362
Ход и итоги упорных боев (<i>С. Г. Нелипович</i>)	362
Действия на море (<i>Д. Ю. Козлов</i>)	388
Драма Великого отступления (<i>С. Г. Нелипович</i>)	405
Поражения и «снарядный голод» (<i>В. П. Булдаков, С. Г. Нелипович</i>)	431
Взаимоотношения союзников (<i>В. П. Булдаков, Д. Ю. Козлов, С. Г. Нелипович</i>)	443
Финансы империи: старые иллюзии и новые реалии (<i>В. П. Булдаков</i>)	458
Народное хозяйство: возможности и потребности (<i>В. П. Булдаков</i>)	480
Война, технологии, инновации (<i>В. П. Булдаков, С. Г. Нелипович</i>)	502
Промышленность и транспорт: попытки перевода на военные рельсы (<i>В. П. Булдаков</i>)	522

Глава 4

Война и стабильность империи	547
Самодержавие и бюрократия (<i>В. П. Булдаков</i>)	547
Авторитаризм и политики (<i>В. П. Булдаков</i>)	565
Дух армии и состояние тыла (<i>В. П. Булдаков, С. Г. Нелипович</i>)	580
Развертывание общественной самодеятельности (<i>В. П. Булдаков</i>)	597
Судьбы беженцев (<i>В. П. Булдаков</i>)	620
Проблема военнопленных (<i>В. П. Булдаков</i>)	637
Культура, вера, образовательный процесс (<i>В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева</i>)	652
Динамика слухов и общественных настроений (<i>В. Б. Аксенов</i>)	672

Глава 5

1916 год. Реалии и образы войны	686
Брусилловский прорыв: цена легенды (<i>С. Г. Нелипович</i>)	686
Борьба на море (<i>Д. Ю. Козлов</i>)	716
Усталость от войны (<i>В. П. Булдаков, С. Г. Нелипович</i>)	732
Отзвуки войны империй на российских окраинах (<i>В. П. Булдаков, С. М. Исхаков</i>)	747
Некоторые итоги участия России в войне (<i>В. П. Булдаков, Д. Ю. Козлов, С. Г. Нелипович</i>)	764
Литературные и художественные образы войны (<i>В. Б. Аксенов, В. П. Булдаков</i>)	778

Глава 6

От иллюзий единения к распутищине (<i>В. П. Булдаков</i>)	793
Война и реформы: надежды, ожидания, результаты	793
Российские особенности управленческого коллапса	807
От думских филиппик до политического убийства	827
Рабочие: зарплата, жизненный уровень, протестные настроения	846
В деревне: крестьянская экономика и разверстка	864
Состояние экономики и финансов к началу 1917 г.	876
Вместо заключения: ждал ли Россию военный успех? (<i>В. П. Булдаков</i>)	898
Список сокращений	902
Библиография	903
Список иллюстраций и карт	913
Указатель имен	917
Указатель географических названий	946